

УДК 070:821.161.1-9

«ДУМАЮЩИЕ ГОРЦЫ» Э. ГОРЮХИНОЙ: К ПРОБЛЕМЕ ЖУРНАЛИСТСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Е. К. Рева

*Пензенский
государственный
университет*

*e-mail:
ekaterina.re@rambler.ru*

В настоящей статье рассматривается вопрос репрезентации национальной культуры Северного Кавказа, реализуемой посредством жанра. На материале очерков Э. Горюхиной выявляются жанрообразующие признаки, способствующие воспроизведению национальных культурных ценностей народов Чечни и Дагестана.

Ключевые слова: национальная культура, репрезентация, жанр, очерк, автор-повествователь.

Степень репрезентации национальной культуры в журналистском тексте жанрово обусловлена, и жанр во многом способствует оформлению авторского восприятия действительности. Например, в интервью оно реализуется через систему вопросов, реакцию журналиста на ответы респондента, определенный идейно-тематический вектор диалога. Именно диалогичность, как характерная жанровая черта интервью, дает тексту репрезентативную основу. Очерк, относящийся к иному типу журналистских жанров, обладает особой жанровой природой и структурой, которые определяют приемы репрезентации национальных культурных ценностей.

Стилистика современного очерка генетически связана с теми его жанровыми особенностями, которые сложились в русской прозе предшествующих двух столетий. В его содержании конкретно-бытовые, фактографические изображения выступают в единстве со все более углубляющимся социальным анализом причин и следствий происходящих в обществе перемен. Важным признаком жанра становится публицистичность, непосредственная обращенность к читателю, вступление с ним в диалог. Отсюда возрастает активность авторской позиции, которая обнаруживает себя в системе оценок, комментариев, размышлений, призванных включить читателя в круг волнующих автора представлений о происходящих событиях. Существенным атрибутом очеркового произведения становится образ автора-повествователя, его индивидуальный облик, специфические приемы средств изображения.

Занимая промежуточное место между журналистикой и литературой и тем самым обладая признаками документальности, образности, художественности, очерк располагает богатой палитрой «красок, приемов и средств для глубокого отражения окружающей действительности» [1, с. 234]. В сочетании в одном жанре художественного и публицистического начал А. А. Тертычный видит синтез репортажного (наглядно-образного) и исследовательского (аналитического) методов, посредством доминирования одного из которых «создается определенная концепция отображаемого предмета» [2, с. 240]. Кроме того, уникальность очерка заключается в том, что он, как отмечает А. А. Грабельников, показывает явление, а не рассказывает о нем [1, с. 235]. Другими словами, очерк, показывая явление, вовлекает читателя в процесс познания действительности, посредством жанровых приемов (портретные характеристики, пейзажные зарисовки, картины быта, авторские наблюдения, возможные диалоги с читателем), внутрижанровой поэтики и архитектуроники дает возможность ему самому увидеть происходящее.

Эту жанровую черту мы делаем доминирующей в своем анализе очерков, выбор которых обусловлен следующими факторами:

- жанровая разновидность – мы выделяем путевой очерк, так как именно этот вид позволяет читателю видеть и чувствовать национальную культуру, посредством эффекта его присутствия в путешествии журналиста;

- хронология – намеренное акцентирование очерков, опубликование которых приходится на 1997 – 1998 гг. и рубежный 2000-й г., кроме исторического фона описываемых событий, дает возможность увидеть через очерк позитивную роль журналистики в

избавлении общества от стереотипов, отстаивании идеи этнокультурного единства на разных отрезках времени;

- источник – в своем анализе мы обращаемся к очеркам, опубликованным в журнале «Дружба народов», поскольку это издание независимо от исторических процессов, политических трансформаций придерживалось цели сохранить единое пространство во всем разнообразии наполняющих его этносов, культур, языков. Этот аспект имеет особое значение применительно к очерку, жанру, который конструируется посредством синтеза объективного и субъективного. Стратегия этого издания позволяет избежать в изображении исследуемых нами явлений субъективизма и тенденциозности, столь часто обнаруживающих себя в журналистике.

Серия очерков Э. Горюхиной «Путешествие учительницы на Кавказ» (1997–1998), очерки «Чечня. Год 1997» (1998) и «Место жительства – война» (2000), являющиеся продолжением цикла, представляют собой онтологию войны на Кавказе, только читателю она предлагает посмотреть на военные события под другим ракурсом, который становится новым и для нее самой. В совокупности очерки Э. Горюхиной диалектичны: это касается отражения развития войны и ее последствий, характеров и судеб людей, мировоззрения и мировосприятия автора. Концептуальная, публицистическая, идеологическая ценность рассматриваемого материала в том, что он обобщает картину войны на Большом Кавказе и рассказ о людях, переживших это время, резюмирует впечатления автора, подводит итог ее размышлениям о войне и национальном вопросе.

В одном из интервью газете «Новая Сибирь» (1999) учительница русского языка и литературы новосибирской общеобразовательной школы Эльвира Николаевна Горюхина объясняет, почему предметом изображения в ее очерках является именно война. Женщина рассказывает: «Я заболела войной. <...> Там понимаешь, что наши волеизъявления в нормальной жизни – мнимости. <...> Понимаешь, что есть ход вещей – от тебя он мало зависит, надо только слышать его. Это сто раз говорил Толстой. Услышать совокупность всех сил, которые тобой владеют, – чтобы быть свободной. Война обостряет слух на правду и слух на суть» [3]. Э. Горюхина, с 1992 г. побывавшая в «горячих точках», отразила свое понимание войны в очерках о Грузии, Абхазии, Нагорном Карабахе, Северном Кавказе. Очерки этого автора – своеобразный протест тому информационному потоку, который усугубил в 1990-е годы и без того острую межнациональную ситуацию, последствия которой обнаруживают себя и сейчас. В указанном нами интервью Э. Горюхина говорит следующее: «Я не могу слушать радио, ТВ. Если смотрю, то думаю: а может быть, всего того, что я видела, не было, а есть то, что показывают? Манипулирование сознанием достигло таких размеров...» или «Вот приехала, читаю в классе одну работу детскую: все чеченцы – дикари, бандиты, что-то в этом роде. Ребенок, напичканный нашей информацией». С размышления Э. Горюхиной от увиденного по телевидению начинается очерк, посвященный событиям в Чечне, в серии «Путешествие учительницы на Кавказ»: она вспоминает эпизод из повести Л. Н. Толстого, где Хаджи-Мурат, рассказывает Лорис-Мельникову о том, что смертельно ранил мюрида, который сказал ему: «Ты убил меня. Мне хорошо. А ты мусульманин, и молод, и силен. Прими газават. Бог велит». Диалог между героями («– Что же, и ты принял? – спросил Лорис-Меликов. – Не принял, а стал думать, – сказал Хаджи-Мурат») на фоне телевизионной трансляции, где «пляски смерти сменялись орущей толпой с портретом Джохара Дудаева», заставляет Э. Горюхину задуматься над вопросом, «где же они, думающие горцы?» (1, с. 156). Очерк о Чечне, который в «Путешествиях учительницы...» является последним, в сущности, выступает началом в общем очерковом цикле, представленным публикациями «Чечня. Год 1997», «Место жительства – война» и хронологически показывающем республику в 1990-е годы.

Тематически очерки Э. Горюхиной многомерны, в них соприкасается несколько реальностей: страдания русских матерей, приехавших в Чечню в поисках своих сыновей, судьбы молодых солдат, жизнь этнических русских в военной республике, еще один пласт представлен условиями существования чеченского населения. Каждое из этих измерений не просто показывается автором, она проникает в него, становится участником происходящего, пытаясь через войну увидеть правду и суть, то, о чем она говорила в приведенном выше фрагменте из интервью, и ответить на вопрос о думающих горцах, который ставила себе перед поездкой в Чечню.

Чечня перед Э. Горюхиной открывается «другой», по ее признанию, «совсем не такой, как [в ее – Е. Р.] искривленном сознании» (1, с. 159). Со слов прощения («Прости меня, Чечня, прости!») начинается постижение реальности на Северном Кавказе. Ведя читателя за собой, открывая перед ним панораму событий и лиц, она делает остановки в своем путешествии, которые представляют собой либо географические пункты (главы «Самашки», «И вот он, Грозный!», «Бамут», «Орехово», «Давыденко»), либо встречи с людьми (главы «Сестры Умаровы», «Учитель», «О тех, кто ничего не забыл», «Кто их спасет?»). Первые из них помогают читателю проникнуться атмосферой разрушенных войной городов и сел, почувствовать настроения людей в основном через наблюдения автора. Э. Горюхина, видящая масштабы разрушений не только населенных пунктов, но и человеческих судеб, испытывающая как русская чувство стыда, ощущая себя «вертящейся на сковороде», как пишет она, вспоминая эпизод на похоронах чеченского мальчика, взорвавшегося на mine, ни разу, по ее словам, не встретила пренебрежения к себе: «И тут я была поражена отношением чеченцев ко мне, русской. Их природная гордость не позволяет предаваться унынию. Они держатся из последних сил. Да, ты русская, но ты гость, и мой долг забыть о счете, который я могу тебе предъявить» (1, с. 160). Все больше проникая в психологию чеченского народа, она объясняет в своих очерках его поведение особыми чертами национального характера: «... существует одна особенность в поведении вайнахов (особенность ли это изначальной психологии, печать ли исторического развития), которая бросается в глаза. Чеченец и ингуш всегда держат другого в поле своего внимания, независимо от того, пересеклись ваши пути или нет. Он уверен, что рано или поздно дорожки могут сойтись. Стоит бросить фразу в автобусе: «Мне нужно во Владикавказ», – жди, что услышавший обязательно будет держать про себя твое желание. Он помнит про него – вот в чем дело. Мужчина выходит из автобуса, а потом, вернувшись, горько сетует: «Владикавказ, Владикавказ... Что за шуточки... Ни в какой Владикавказ таксист не едет». Оказалось, что, увидев таксиста, наш пассажир покинул автобус, чтобы задержать для меня такси. «Так вы из-за меня выходили?» – все еще неуверенно спрашиваю я. «Но ведь вам надо было во Владикавказ или нет?» Да, конечно, надо!» (1, с. 164). Органично в этой связи вплетается в повествование и воспоминание автора об эпизоде, произошедшем с ней в Ингушетии: «Однажды в Назрани на автовокзале меня разыскивала толпа. Я интересовалась автобусом на Грозный. Подошел левый «уазик». Раньше расписания. Люди кинулись искать русскую, которой надо срочно в Грозный» (1, с. 164). Чтобы свои наблюдения об отношении чеченцев к русским сделать для читателя более достоверными, а это важно для Э. Горюхиной, пытающейся показать не ту представленную «плясками смерти» и «орущей толпой с портретом Джохара Дудаева» Чечню, которую она сама видела на экране телевизора до отъезда в республику, автор цитирует слова русских матерей, разыскивающих здесь своих сыновей. Она это делает максимально протокольно, чтобы избежать эмоционального комментирования реплик своих респондентов. В очерке это представлено следующей схемой: имя говорящего и его слова. Например: «Люда: ... начались хождения по Чечне. По рынкам ходила. Знакомилась с ингушами, чеченцами. <...> Двенадцать дней я пробыла в чеченском доме. Картошку с ними сажала. До сих пор спина болит. <...> Ходила к родственникам хозяев-чеченцев. Угощали чем могли. Помню, помогали все, кто попадался. У меня так много теперь знакомых в Чечне!», «Полина Захарова: Сына надо было искать в горах. А как попасть? Чеченка мне повязала платок по-своему, и боевики провели в горы. Выдавала меня за сестру. А она и была мне как сестра» (2, с. 160). От себя очеркист лишь добавляет, констатируя, что эти люди «жили неделями в чеченских семьях, разделяя с хозяевами все тяготы их жизни», что по горскому обычаю становились для них родными, так как «для чеченца гость только три дня гость, а дальше – родственник» (2, с. 160). Русских отцов и матерей, годами проживающими в Чечне в надежде отыскать сыновей-солдат, Э. Горюхина называет «настоящими этнопсихологами». Словно обращаясь к читателю она говорит: «Они расскажут вам все о чеченском народе» (2, с. 160). И, приводя слова своих собеседников, убеждает его в этом. В рассказе Виктора Мителева зафиксированы не просто эпизоды общения с чеченцами, в нем обнаруживают себя ментальные черты этого народа: «Ты, когда будешь выходить, обязательно скажи водителю, что у тебя нет денег. Он даже улыбнется в ответ. Но они не любят, когда выходишь, не объяснившись. Получается – как оскорбление ему наносишь. Обязательно скажи, не бойся», «Мне не позволили лечь на

пол. А кровать была одна. Тогда хозяин положил по подушке в каждый конец кровати и предложил мне самому выбрать место» (2, с. 160).

Общаясь с этими людьми, тоже русскими, Э. Горюхина убеждается в своей правоте понимания чеченцев. Не раз в своем повествовании ремарками она воспроизводит национальную философию жизни этого народа, проявляющуюся и во внутризнтническом поведении («... перешагивая через мусор и грязь войны, идут женщины, повязанные яркими цветными платками (существуют тысячи способов повязывать голову косынкой). Идут в самых лучших своих платьях, если они сохранились. В отличие от грузинок, которые в такой ситуации ходили бы в черном, горянки демонстративно разноцветны. В этом гордость несломленного народа и, как я поняла, молчаливый вызов» (1, с. 164), и в контексте межнационального взаимодействия (во время похорон чеченского мальчика – выше мы уже обращались к этому фрагменту «путешествия» – Э. Горюхина обращает внимание на «сжатые кулаки», «скорбное молчание» и, что имеет важное значение, «реплики по-русски» («боязнь обидеть гостя» – следует авторское объяснение этого акта уважения, гостеприимства) (1, с. 162)). Все эти способы отражения действительности наполняют конкретным смыслом авторское слово, иногда риторически вопрошающее («... как же мы с таким народом не договорились?» (1, с. 162)), иногда резюмирующее («... Нигде на дорогах Чечни я не встретила ненависти, злобы к себе. Учительнице из России, проводящей свой отпуск в горячих точках» (1, с. 165)).

Еще более конкретным становится слово автора, когда Э. Горюхина беседует с людьми, познавшими ужас войны. Наблюдения очеркиста конкретизируются стремлением понять события через жизнь отдельного человека, его чувства, мнения. Лейтмотивом проходящий через все очерки Э. Горюхиной о Северном Кавказе вопрос о думающих горцах находит ответ именно в этих эпизодах: в доме Умаровых она понимает, что «чеченец **думает**. Думает о своей личной судьбе. О судьбе своей многострадальной Чечни. О своей истории. И о России думает тоже» (1, с. 161). В главе «Учитель» Э. Горюхина делаясь с читателем размышлениями, что «отсюда, из Ачхой-Мартана, отчетливо видны все наши грехи перед чеченским народом, видна наша неспособность (или нежелание?) выйти на диалог с такими чеченцами, как Хасмагомет или сестры Умаровы», одновременно открывает перед ним: «... а я до Грозного что-нибудь знала о чеченской интеллигенции?» (1, с. 163). Главы, отражающие встречи автора с жителями Чечни, представлены прямыми или скрытыми диалогами: очеркист старается акцентировать внимание читателя на репликах своих собеседников, поэтому ее вопросы носят либо уточняющий характер, как в главе «Учитель» («Почему анонимку?», «Что же делать?»), либо отсутствуют («Сестры Умаровы»), но ощущение диалога при этом не снижается. Именно в рассказах героев очерков проявляются элементы исторической памяти («Наши родители были сосланы в Казахстан в сорок четвертом. Рассказывали, как люди в дороге умирали от холода и голода. Странно, но у нас была как будто другая история. А вот когда я спускалась в подвал седьмого апреля, вдруг не то что представила, как мать моя страдала там, в Казахстане. Верите ли, я сама стала ею. Значит, вот как это было с ними тогда. Их история стала моей историей» (1, с. 161)), из них автор узнает, что почти все чеченцы, с которыми она виделась, «начинали отсчет своей жизни с трагического 1944 года» (1, с. 170 – 171). В диалогах репрезентируется и важная составляющая национальной культуры чеченцев – гостеприимство. Общаясь с семьей Салмана Умалатова, автор поражается глубиной постижения исторических пластов, владением русским языком, которые демонстрирует его сын Салаутдин. Э. Горюхина задается вопросом: «... откуда у него такой русский?». В ответе ее собеседника («Просто я очень старался, когда говорил с вами. Мне это было не просто. Но вы – гостя» (1, с. 171)) заключена национальная формула почитания гостя, которая, безусловно, обращает на себя особое внимание на фоне войны между русскими и чеченцами. Потому не случайно глава, содержащая указанный эпизод, имеет утверждающее название «Интернационал есть!». Посредством косвенной речи Э. Горюхина знакомит читателя с чеченским обычаем, о котором она, что характерно, узнает от русской женщины Нины, работающей в Чечне учительницей русского языка и литературы: «Есть, оказывается, у чеченцев обычай каждый четверг поминать погибших. Нина говорит, что на том свете души умерших каждый четверг идут за подаванием. А если на земле твой потомок забыл подать, ты (умерший) идешь и изображаешь ношу, чтобы не позорить того, кто остался на земле. Я все никак не могу взять в толк, что это там изображают души и зачем. Ниночка поднимает подол юбки. Де-

лает вид, что там подаяние, и проходит мимо, укоризненно посмотрев на меня. Это означает, что я здесь, на земле, не подала, а там, на небе, она не хочет позорить меня и делает вид, что чаша подаяния полна. Подаяний должно быть не меньше трех. Если ты подаешь человеку другой веры, то тебе воздастся не в той жизни, а в этой. На земле. Сейчас» (1, с. 170). Придерживаясь стремления показать не столько свое видение, а жизнь изнутри, Э. Горюхина приводит суждение той же Нины о быте чеченцев, где заложены ментальные основы народа. Нина произносит: «Не выношу, когда говорят, что чеченцы не умеют работать, а только воруют и грабят. Посмотрите на их дома. Ведь они строят свой дом всю жизнь. Стройка не останавливается, потому что подрастают дети. Работают с утра до ночи» (1, с. 170). Элементы религии, которая испытала на себе влияние войны, между тем не имеющей межконфессиональной основы, но негласно превратившейся в таковую, находят свою отражение так же в диалоге. Автор провоцирует своего случайного знакомого вопросом, который подсказан ей уже имеющимися стереотипами в отношении чеченцев-мусульман. Такой прием использован Э. Горюхиной и с целью собственного познания действительности во всех ее проявлениях, и с целью просвещения своего читателя, избавления его от сложившихся в его сознании предрассудков. Короткий диалог между очеркистом и будущим имамом показывает еще одну сторону думающих чеченцев. Приведем этот эпизод разговора: «Захожу в забегаловку. Подсаживаюсь к столу, за которым неспешно поглощает лагман молодой человек. Его зовут Магомет Котиков. В глазах – нездешний свет и редкое для такого возраста спокойствие. Он учится в слепцовском духовном заведении. Будет имамом. Не скоро. Но будет.

– А это правда, что по Корану можно убивать неверного?

– Убивать нельзя не по Корану. Убивать вообще нельзя.

– Нет, говорят, что по Корану... – это опять я.

Магомет терпелив к заблудшей овце и снова, как в первый раз, повторяет: "Убивать нельзя вообще"» (1, с. 178).

Как видим, отражение национальной культуры в очерках Э. Горюхиной реализуется посредством введения формул, заключающих в себе особенности национального характера, элементы исторической памяти, быта, религии. Автор, описывая всепоглощающую страшную силу войны, избегает давать подробные описания национального проявления жизни чеченцев, для нее важны именно формулы, несущие большую философскую нагрузку в процессе понимания сути этого народа. Иногда очеркист ограничивается лишь штрихами («Живые чеченские матери не отдают своих детей, как бы тяжело ни складывалась жизнь. Чеченские дети своих родителей в дом престарелых не сдают», «В доме царит дух семьи. Большой и настоящей. Во дворе мальчики красят качели. Плачет девочка. Обидел подросток Беслан. – Разве можно обижать девочек? – Она мне сестра, и дело брата следить, чтобы от сестры не вылетало плохое слово. А оно вылетело. Ну что ж! Законы семьи...» (3, с. 157 – 158), «Женщины готовились накрыть стол» (2, с. 177), хозяин страдает, что «русская не остается ночевать в его доме» (1, с. 171), «Провожать вышли все, мужчины и женщины»), из которых складывается национальная картина мира чеченцев.

Ценность и актуальность рассматриваемых очерков заключается не только в точности воссоздания этнокультурных деталей, но и в их документальной основе. Особое место в публицистическом произведении Э. Горюхиной занимают школьные сочинения, воплощающие на бумаге страдания чеченских детей, а вместе с тем далеко недетское понимание войны. Из многочисленных фрагментов, курсивом цитируемых в очерках, приведем следующий: «Мне кажется, что в каше, которую тут заварили, виновна Чечня и не меньше Россия. Мне кажется, что они заодно. Я не говорю, что все солдаты страшны, как про них рассказывают, но среди них есть те, например спецназ, которые не жалеют не только чеченцев, но и своих младших братьев-солдат. Так же и боевики. Среди них есть те, кто вышел на защиту своей родины, и те, которые прячутся за спины невинных людей и одновременно их грабят. Даже убивают ради денег. Убийцы детей, женщин, стариков. Если бы я не видела своими глазами все, что происходило, я бы подумала, что люди преувеличивают. Так вот, каждое утро солдаты проезжали на своих БТРах, в день по семь, восемь раз. Как они пугали людей! А 6 августа ни одного танка не было видно. Утром 6 августа боевики захватили Октябрьский район (я жила там), заходили в наш двор. Захватили базарчик недалеко от нас. Они говорили, что ни один российский пост их не обстреливал. Им был дан приказ, чтобы они дали коридор боевикам. Зачем

эта война? Я только теперь поняла, кому она на руку. Вы спросили, победили мы или нет. Даже если победили, сделали хуже себе. Глупость Дудаева, некоторых из Белого дома – вот причина всего. Что дальше? Дальше глубокая, глубокая бездна, в которую в любой момент может провалиться Чечня, если верхушки России и Чечни не образуются» (2, с. 182 – 183).

Думающих горцев, которых Э. Горюхина искала в Чечне, она находит в детях и, думается, прежде всего в детях. Этой мыслью она завершает очерк «Чечня. Год 1997»: «Мое отношение к чеченскому народу, впитанное с детства с каждой буквой "Хаджи-Мурата" великого Толстого, перестало быть абстрактным и книжным. Оно выросло из доверительного общения со взрослыми людьми Самашек и Орехова, Бамута и Ачхой-Мартана, Грозного и поселка Давыденко, из горьких и скорбных событий, которые я пережила вместе с этими людьми на месте их горя. Но более всего образом Чечни и ее народа я обязана чеченским детям. Большим и маленьким. Им, кто впустил меня в тайну своих недетских страданий, им, кто протянул мне руку дружбы, кто ведает, что есть на свете сила сильнее нас, но это равным счетом ничего не значит, кто рад собеседнику и другу в самый скорбный свой час, – вот им, детям, я обязана своей вечной любовью к Чечне...» (2, с. 183).

Очерковая документальность проявляется и в композиции очерков, синхронно продолжающихся один за другим: внутри конкретного очерка автор постоянно фокусирует внимание читателя на человеке, ситуации, месте действия. В общем цикле очерков о Большом Кавказе этот фокус имеет другие масштабы: тему Северного Кавказа вслед за очерками о Чечне («Путешествие учительницы...» аккумулирует структуру всего цикла) продолжает очерк о Дагестане, так же как продолжает он поиск автором думающих людей. С постановки этой проблемы (первая глава этого очерка называется «Думающий народ») и начинается познание автором этой республики в 1998 году. Уже в этой части Э. Горюхина напишет: «В Дагестане живет думающий народ» (3, с. 161). К такому выводу автор приходит после разговора с подполковником милиции Камилем, учителем русского языка и литературы Гусейном, некоей дагестанской поэтессой, темой которого является военнополитическая ситуация в Дагестане, в частности, инцидент, произошедший 21 мая 1998 года, когда братьями Хачилаевыми было захвачено здание правительства и Госсовета республики и подвергнутому разгрому. Автор задумывается над вопросами, откуда у этих людей «инстинкт на истину», «инстинкт на здравый смысл», «чутье на баланс сил», тем самым позволяя стать читателю участником не только разговора, но и своих мыслей. На первый взгляд кажется, что эти вопросы соприкасаются с предметом бесед, но Э. Горюхина, научившая себя на Северном Кавказе усматривать во внешнем глубокий внутренний смысл, проникшая в души отдельных людей, ищет ответ в душе народа. Именно поэтому ответом для нее служат слова, некогда произнесенные русским командиром погранотряда в Дербенте. В своем очерке она цитирует их: «А это от культуры народа. Она очень высокая. Мы этого, к сожалению, не знаем. Дагестан – древнейшая цивилизация. Уникальный опыт векового соседства сотен народов. Сосуществование с другими нациями и народами – разве это не культура? ...Я понял это сразу, когда сюда приехал. Стоит увидеть, что такое дагестанский двор. Десятки народов. Если поймешь, что ты, русский, один из них, с тобой ничего не случится. Я вот сейчас с вами разговариваю, а мои дети во дворе. И я не хочу бояться» (3, с. 161).

Эта мысль находит свое продолжение в последующей главе, где Э. Горюхина приводит слова пожилого даргинца. Он так же, как и предыдущий респондент очеркиста, раскрывает глубинные ментальные основы жизнеустройства в Дагестане: «Дагестан бы уже давно взорвался, если бы был мононациональным, – сказал старый даргинец, подвозивший нас к кладбищу. – Ты должен с рождения учитывать интересы соседа, на каком бы языке он ни говорил. Обратите внимание, как водят машину в Дагестане. Никаких дорожных правил не соблюдают! А дорожные происшествия минимальны. Почему? Тот, кто нарушает правила, учитывает другого, который тоже нарушает правила. Весь секрет здесь...» (3, с. 162). От обобщений автор снова переходит к жизни отдельных людей, обращая свое внимание на семью Камиля, подполковника милиции, с которым уже знакомила читателя в первой главе очерка о Дагестане. Среди этих людей, говорящих на тлядальском языке, Э. Горюхина не только познает культуру языка, носителями которого являются жители лишь одного села в Дагестане («– Ну а зачем тебе язык, на котором говорит так мало людей? – спрашиваю Иру, будущую учительницу начальных классов. <...> С ответом Ира,

дочь нашего друга Камиля, не медлит. – Чтобы отличаться от других. Чтобы сохранить свое собственное. В языке много чего записано. Я уверена, мы бы иначе относились к старшим, к маленьким, если бы не язык. Она произносит поговорку по-тлядальски. Пытается перевести на русский. Я тут же предъявляю адекват: "Дурная голова ногам покоя не дает". – Нет, – сокрушается Ира, – это совсем другое. Понимаете, это что-то вроде: "Если у тебя плохая голова, ты можешь сколько угодно крутиться на ногах – ничего в жизни не выйдет". И все равно на нашем языке есть в этом еще и другой смысл. Лицо Иры меняется, когда она говорит на языке предков. Еще раз произносит фразу по-тлядальски. Мне не дано почувствовать новые смыслы. Но теперь я точно знаю, что они есть» (3, с. 162)), но и способность через сохранение языковых традиций сохранить свой народ, один из того множества, что населяют эту республику (в сохранившемся дореволюционном издании военного ведомства, «которые "клонились к распространению грамотности"», Камиль показывает Э. Горюхиной том, где наряду с другими горскими народами говорится о тлядальском, а его дочь произносит: «Мы не хотим исчезнуть» (3, с. 163)). Сопереживание героям очерка в их трепетном отношении к своему народу, языку прерывают по контрасту включенные в рассматриваемый фрагмент очерка размышления автора, навеянные ей прочтением «на днях» статьи «Ногайское счастье», опубликованной в «Московском комсомольце». Э. Горюхина делится: «Сердце екнуло: неужто благородные традиции возвращаются? Кульминация статьи – рассказ про нагайку, которая делается из бараньего мужского полового органа...». И иронично добавляет: «Спасибо за встречу с ногайским народом. А еще зачем-то нам нужен Северный Кавказ» (3, с. 163). И тут же антитезой понятию «думающие горцы» звучит нарочито утверждающая авторская мысль: «Дикий мы все-таки народ. Дикий» (3, с. 163). С той же категоричностью, но уже в адрес дагестанцев автор обращает следующие слова: «...культура народа – это прежде всего уклад жизни. Прав мой любимый Толстой, утверждавший, что частные интересы людей и есть подлинная история» (3, с. 164). Сомневаясь или убеждаясь в своей правоте, общаясь то с одними людьми, то с другими, неизменными попутчиками путешествия русской учительницы русского языка и литературы на Северный Кавказ являются Лермонтов и Толстой: с цитаты из «Хаджи-Мурата» Э. Горюхина начинает свои очерки, не раз ссылается на правоту Толстого в понимании горцев, акцентирует, что героини одного из ее очерков сестры Умаровы, учительницы русского языка и литературы, «на память» цитируют Лермонтова и Толстого, выражая при этом счастье, что «честь русского народа в той (имеется в виду войны времен имама Шамиля – Е.Р.) кавказской войне была спасена великими именами» (1, с. 162), анализируя сочинения чеченских школьников, Э. Горюхина обращает внимание, что «чаще всего цитируется Лермонтов. Любимые строки: "Как сладкую песню отчизны моей, люблю я Кавказ"» (1, с. 166). От думающего народа она слышит пропитанные лермонтовскими интонациями строки, а на рабочем столе дагестанского аптекаря Шамиля автор видит «Избранное» Лермонтова. Владелец книги, как пишет Э. Горюхина, «тщательно выискивал строки о родном Дагестане» (3, с. 166), которые и завершают очерк о Дагестане, последний в серии о Северном Кавказе. Автор воспроизводит эпизод чтения стихотворения: «Читаю, будто первый раз в жизни:

В полдневный жар в долине Дагестана

С свинцом в груди лежал недвижим я...

Дохожу до последней строчки. Выдержав паузу, Шамиль начинает снова:

В полдневный жар в долине Дагестана...» (3, с. 166).

Как видим, жанровые возможности очерка позволили автору через образ «думающих горцев» представить читателю широкое многообразие черт национальных культурных ценностей народов Чечни и Дагестана.

Список литературы

1. Грабельников А. А. Работа журналиста в прессе: учебное пособие. – М.: Изд-во «РИП-холдинг», 2002.
2. Тертычный А. А. Жанры периодической печати: учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 2000.
3. Лаврова А. «Горюхина: Я заболела войной. Все остальное сделалось неважным» // Новая Сибирь. – 1999. Электронный ресурс: <http://www.armenianhouse.org/goryukhina/also-ru/lavrova.html>

Список источников

1. Горюхина Э. Путешествие учительницы на Кавказ // Дружба народов. – 1997. – № 12. – С. 156.
2. Горюхина Э. Чечня. Год 1997 // Дружба народов. – 1998. – № 4. – С. 160.
3. Горюхина Э. Место жительства – война // Дружба народов. – 2000. – № 11. – С. 157 – 158.
4. Яцкова А. Ренейминг как следствие ритейлинга / А. Яцкова // Банковское дело в Москве. – 2005. – № 7. – С. 13 – 15.

«THINKING HIGHLANDERS» BY E. GORYUHINA: ABOUT JOURNALISTIC REPRESENTATION OF NORTH CAUCASUS ETHNOCULTURAL PROBLEM**E. K. Reva***Penza State University**e-mail:**ekaterina.re@rambler.ru*

In this article we consider the question of representation of the national culture of the North Caucasus, which is implemented by the genre. Essays on the material by E. Goryuhina identified genre characteristics contributing to the reproduction of national cultural values of the peoples of Chechnya and Dagestan.

Keywords: national culture, representation, genre, essay, the author-narrator.